

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОТЗВУКИ СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НАЧАЛА 60-х ГОДОВ

Публикация Н. Яковлева

Революционно-демократическое движение бурной эпохи конца 50-х и начала 60-х годов положило начало студенческому движению в России.

Наибольшего подъема и силы движение это достигло в Петербурге осенью 1861 г., когда оно было впервые вынесено из стен университета на улицу, в виде открытых массовых демонстраций.

Непосредственной причиной этих студенческих выступлений были репрессии в области академической и корпоративной жизни студенчества. Новыми университетскими правилами 1861 г. введены были матрикулы для студентов, запрещены студенческие сходки, ликвидировалось студенческое самоуправление, сводилось почти на-нет освобождение от платы нуждающихся студентов. Эта последняя мера ударила по демократическому, материально недостаточно обеспеченному студенчеству из разночинцев, составлявшему тогда уже большинство в университетах. Фактически университеты возвращали к николаевскому режиму.

Первая демонстрация произошла 25 сентября 1861 г., когда студенты, недовольные новыми правилами, массой, свыше тысячи человек, двинулись из университета по главной магистрали Петербурга — Невскому проспекту — к попечителю учебного округа ген. Филиппсону на Колокольную улицу. К демонстрантам присоединялись учащиеся других учебных заведений, офицеры, многие из публики, в огромном числе стоявшей на тротуарах и выражавшей свое сочувствие демонстрантам. Демонстративное шествие растянулось чуть ли не на версту. Затем, заставив ген. Филиппсона отправиться со студентами в университет, демонстранты тем же порядком пошли обратно. Улицы царской столицы впервые видели подобное зрелище. Возбуждение не только студентов, но и большей части населения Петербурга было огромное. Французы-парикмахеры, выбегая на улицу и видя эту демонстрацию, кричали: «Revolution! Revolution!»

Выступления студентов в виде сходок, вопреки запрещению властей, в стенах университета, со взломом дверей актового зала, и на улице вокруг университета продолжались больше двух недель, несмотря на то, что правительство для борьбы с этим движением прибегло к военной силе. Правящие сферы не на шутку были напуганы этим движением, видя в нем чуть не начало открытой революции. В одной докладной записке, предназначавшейся для высших правительственных сфер и написанной через 5—6 лет после этого движения, о нем говорилось следующее:

«В то время университетская молодежь, в порыве своеволия и под влиянием некоторых тайных лжеучений, могла решиться пройти весь город для истребования от своего начальства отчета в его действиях и могла даже решиться стать лицом к лицу с вооруженною силою, которая была выслана для усмирения толпы студентов»¹. Это показывает, насколько правительство было напугано таким небывалым явлением в России.

Военная сила была тогда впервые применена против студентов. Сначала правительство прибегло к арестам «зачинщиков» и «главных агитаторов», арестовав в ночь на 26 сентября десятки студентов. Это вызвало еще большее возбуждение студенческой массы, собравшейся 27 сентября на университетском дворе и требовавшей освобождения арестованных. Тогда правительство выслало против «бунтующих» студентов часть лейб-гвардейского Финляндского полка, но до избития студентов дело, однако, не дошло.

12 октября студенты снова собрались вокруг университета. Они рвали в клочки матрикулы, усеивая ими улицы. Против студентов на этот раз правительство, кроме жандармов, полиции и роты Финляндского полка, двинуло еще и преображенцев, под командой полковника Толстого. Студенты были оцеплены войсками. Триста студентов было арестовано и под конвоем отправлено в Петропавловскую крепость, а в дальнейшем перемещено в Кронштадтскую крепость. Бравый полковник Толстой проявил при этом исключительное усердие. Он осыпал студентов руганью, а бывшие под его командой преображенцы свирепо избивали их. Многие студенты были ранены, некоторых из избитых пришлось отправить в госпитали.

Избиение студентов преображенцами вызвало глубокое возмущение не только революционно настроенных, но и либерально-буржуазных элементов общества как против правительства, так и против непосредственного руководителя усмирения, полк. Толстого. Общественное негодование еще более возросло, когда за этот «боевой подвиг» Александр II наградил Толстого званием флигель-адъютанта. Это негодование вылилось, между прочим, также в нескольких анонимных стихотворениях, полученных полк. Толстым на адрес Преображенского полка. Обиженный и оскорбленный таким вниманием анонимных поэтов к его особе, полк. Толстой лично представил эти посвященные ему стихотворения III отделению для розыска злоумышленников. Но розыски, очевидно, оказались тщетными. III отделению ничего не оставалось, как приобщить эти анонимные стихотворения к делу, где они и сохранились до сих пор для потомства².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленинградское отделение Центрального Исторического архива, фонд 109, отдел 4-й, № 1 и 2. Из бумаг 6. петерб. военного генерал-губернатора Суворова. Записка неизвестного автора, предназначенная для высших сфер, о деятельности чрезвычайной комиссии Муравьева по каракозовскому делу.

² Центр. Арх. Революции. Дело III отделения I экспедиции 1862 г. № 215. О пасквильных письмах, полученных по городской почте флигель-адъютантом Илларионом Николаевичем Толстым.

1. ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ А. С. ПУШКИНА (НО НЕ К ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ, А К ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТУ ИЛЛАРИОНУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛСТОМУ)

(рифмы А. С. Пушкина)

Я к вам пишу, чего же боле?
 Да! Мне вам надобно сказать,
 Что было в вашей доброй воле
 Себя холопом показать.
 Теперь в позорной вашей доле,
 Хоть тень приличия храня,—
 Извольте выслушать меня.
 Сначала я молчать хотела,
 Но вижу, вашего стыда
 Вам уж не спрятать никогда.

Скажу, надежду я имела,
Что царь ни в тот, ни в этот раз
Не наградит позорно вас
За ваши действия и речи
В Октябрьской драме... но потом —
Вполне уверилась в одном:
Я б не желала с вами встречи.
Мы за студентов. Нам, как им,
Под гнетом деспотизма душно,
Как вы, мы рабством не блестим,
Но ждем свободы простодушно.
Толстой, вы оскорбили нас!
Все города и все селенья
Стоят далеко не за вас:
Их жизнь, их быт — одни мученья;
Народ, страдая, ждет волненья,
В котором может быть (как знать)
Иной не распознает друга,
Иная нож вонзит в супруга —
И сын родной забудет мать...
Толстой, в каком позорном свете
Узнала имя это я!..
И стал Толстой с Двором в Совете!
Несчастный, — где же честь твоя?
Ее торжественным залогом
Считать ли за одно с тобой
Ползки пред троном, как пред богом?
Нет! Образ мыслей тот не мой.
Он твой. Не ты ль слугой являлся
Гнилых властей и рабски мил
Толпу грозой штыков томил.
Не твой ли голос раздавался
В тот миг, когда — то не был сон! —
Толпа «в своих» врагов узнала, —
И свалка разом запылала?...
Вот подвиг твой, как грозен он!
О нем, поверь мне, я слыхала
И говор громкий в тишине:
«Толстому глупость помогала,
Толстого подлость услаждала» —
Все говорят от всей души.
Чем объяснить себе мгновенье,
Когда, как гнусное виденье,
Ты впереди штыков мелькнул.
Чтоб земляков облиться кровью?
Не к трону-ль хамскою любовью?!
Не злой ли дух тебе шепнул,
Что штык единый наш хранитель?
Не аксельбант-ли искуситель
Тебя смутил?.. О, разреши
Сомненье вовсе не пустое
Моей взволнованной души!
Однако, то или другое
Ты скажешь мне, — я мысль мою
Тебе доверенно вручаю:

Я много сладких слез пролью, —
 Лишь сгинь ты. Верить умоляю
 Так думаю не я одна!..
 Тот только, кто не понимает,
 Что Русь в ярме изнемогает
 И восставать за то должна, —
 Окинет равнодушным взором
 Твой аксельбант... О, не живи!
 Сам лучше жизнь свою прерви,
 Тебе служащую укором.
 Кончаю. Гадко перечесьть...
 Стыдом я вчуже замираю...
 Толстой!.. Твоя погибла честь: —
 Не тайну я тебе вверяю.

Татьяна Ларина

2. ПОСЛАНИЕ К ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТУ
 ИЛЛАРИОНУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛСТОМУ

Есть Лев Толстой, известный сочинитель,
 Хорошего он много написал.
 А ты, Толстой, студентов победитель,
 Умом, душой и телом ты капрал.

19-го апреля 1862 г.

3. ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТУ ИЛЛАРИОНУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛСТОМУ

(Подражание Лермонтову)

Царские палаты
 Спят во тьме ночной.
 У ворот солдаты
 И городовой.

Сам же царь угрюмо
 Бродит по дворцу,
 Но серьезность думы
 Ему не к лицу.

Он рукой державной
 Весело махнул
 И приказ бесславный
 Славно подчеркнул.

В нем-то он герою,
 Что студентов бил,
 Царскою рукою
 Аксельбант дарил!

Адъютант ты с виду
 И капрал душой
 Пусть же не в обиду
 Вензель тебе мой.

Аксельбант желанный
С шиком подвяжи.
«Он за подвиг бранный
Дан мне», — всем скажи.

Но меч Немезиды
Низойдет и к вам,
Выйдут все обиды
Соком — палачам.

Теперь власти много
Аксельбант, кресты;
Погоди немного
Повисишь и ты.